

Лев Мечников

ЗАПИСКИ
ГАРИБАЛЬДИЙЦА

Лев Мечников
Записки гарибальдийца

«Алетейя»

1861

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

Мечников Л. И.

Записки гарибальдийца / Л. И. Мечников — «Алетейя», 1861

ISBN 978-5-906860-30-9

Впервые публикуются по инициативе итальянского историка Ренато Ризалити отдельным изданием воспоминания брата знаменитого биолога Ильи Мечникова, Льва Ильича Мечникова (1838–1888), путешественника, этнографа, мыслителя, лингвиста, автора эпохального трактата «Цивилизация и великие исторические реки». Записки, вышедшие первоначально как журнальные статьи, теперь сведены воедино и снабжены научным аппаратом, предоставляя уникальные свидетельства о Рисорджименто, судьбоносном периоде объединения Италии – из первых рук, от участника «экспедиции Тысячи» против бурбонского королевства Обеих Сицилий. В качестве приложения даны мемуары самого Гарибальди об этой легендарной кампании.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

ISBN 978-5-906860-30-9

© Мечников Л. И., 1861
© Алетейя, 1861

Содержание

Предисловие публикатора	6
Записки гарибальдийца	15
I. Отправление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Ильич Мечников Записки гарибальдийца

Предисловие публикатора

Считаем, что русская культура XIX столетия, познавшая самые высокие – на мировом уровне – взлеты, имеет мало представителей, равных Льву Ильичу Мечникову (1838–1888). По моему глубокому убеждению, он является самым важным мыслителем дореволюционной России.

Судить об этом непросто, так как Мечников, старший брат более известного Ильи, Нобелевского лауреата 1908 г., не смог увидеть свои «Записки гарибальдийца» вышедшими отдельной книгой у себя на родине (мы публикуем как книгу впервые); другие его сочинения выходили вне России на французском языке. Ему, правда, удалось дать свои «Записки» главами в журнале «Русский вестник», где также печатались другие великие писатели – И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, Н. С. Лесков.

Понятно, что молодому автору и эти журнальные публикации приносили большую радость, хотя он их конспиративно подписывал одним лишь своим инициалом – М. Эта его предусмотрительность, кстати, вряд ли могла ввести в заблуждение российскую полицию – она, как и российская дипломатия, внимательно наблюдала за маршрутами и встречами Льва Мечникова, пребывавшего в иллюзии о надежности своего подполья.

Причины для конспирации у автора были – в этом может убедиться современный русский читатель, как это уже сделал, чуть раньше, читатель итальянский, для которого мы недавно перевели и опубликовали в отдельном томе эти записки (книга была встречена в Италии с большим энтузиазмом)¹.

Текст Мечникова с трудом подпадает под определенный жанр. В самом деле, перед нами – и мемуары, и книга странствий во время войны за объединение Италии, в которой принял деятельное участие этот чужеземец, русский юноша. И здесь – первая особенность книги: это описание воюющей страны, сделанное иностранцем; автор учит итальянский язык и исследует национальные особенности с оружием в руках, встав на сторону тех, кто желает свободы, независимости и единства своей Родины.

Вместе с тем, перед нами – социологический и этнографический очерк, включающий историко-политический анализ деятельности Гарибальди и его движения.

Автор никогда не скрывает перед своими собеседниками своего иностранного (славянского) происхождения, да и вряд ли смог бы это сделать. Он с пылом изучает страну, передвигаясь по ней самыми разными способами – на поезде, на лошади, пешком, в кабриолете, на борту корабля. Читателю представлена уникальная галерея персонажей – рабочих, ремесленников, крестьян, интеллектуалов, аристократов, дипломатов, членов каморры (типа Санджованнары), дельцов и спекулянтов, женщин с сомнительной репутацией (типа Наньеллы), священников, как формально исполнительных (Кукурулло), так и бунтовщиков (Гавацци), артистов, певцов и, наконец, множество солдат, офицеров и прочих воинов, в том числе добровольцев, да и просто искателей приключений, а также многих иностранцев.

Итальянская реальность у Мечникова необыкновенно многогранна. Географически она сосредоточена в трех областях – в Тоскане, Кампании и на Сицилии.

Мемуарист всегда необыкновенно трезв, точен и сдержан в своих оценках. Он не «повышает голос» и не посылает проклятия свои врагам, даже когда получает от них тяжкое ранение. Вместе с тем, этот гуманист не может не прийти в ужас от вида тел солдат бурбонской и гарибальдийской армий, истерзанных пулями и снарядами. Он не может также простить бур-

¹ Mečnikov L. Memorie di un garibaldino russo / Traduzione dal russo di R. Risaliti. Prefazioni di M. Varvarcev e R. Risaliti. Moncalieri: Centro Interuniversitario di Ricerche sul "Viaggio in Italia", 2007. Второе дополненное издание (к 150-летию объединения Италии): 2011.

бонским солдатам пыток и издевательств, которым они подвергали пленных гарибальдийцев. Принесенные гарибальдийцами жертвы в конце концов преопределили и бесславный конец неаполитанских Бурбонов. Описанное Мечниковым моральное разложение бурбонской армии – пьянство и мародерство – заканчивает эту картину заката Неаполитанского королевства при массовом безразличии его подданных. Но Мечников проявляет и истинную непредвзятость, не утаивая и изъяны у своих товарищей по оружию – излишнюю жесткость революционного генерала Нино Биксио или трусость некоторых гарибальдийцев под Казертой.

Перемещения по Италии позволили русскому гарибальдийцу оценить реакцию ее населения, будь то простой люд или представители элиты, на происходящие эпические события. Всякий раз любопытство Мечникова имеет отнюдь не поверхностный характер: он проявляет проницательность и психологическую точность, давая яркие портреты как отдельных персонажей (к примеру, Наньеллы), так и целых народных групп. Вообще, народ и всё народное его необыкновенно интересует. Это особенно очевидно при описании Неаполя и ярких проявлений жизни этого великого города – фольклора, музыки, религиозности, карнавальности, каморры, его своеобразного народного творчества, в частности, песен, которые неаполитанцы прилаживают к текущему политическому моменту, и триумфальных шествий (при победоносном входе революционной армии в Неаполь они даже внешне подделывают себя «под Гарибальди»).

Среди отдельных и филигранно выписанных портретов выделяются образы священников (Кукурулло, фра Панталео, падре Гавацци), а также женские образы (Санджованнара, Наньелла, Анита Гарибальди, графиня Делла Торре, маркиза Джесси Уайт-Марио). Всем им приданы точные психологические черты.

В отличие от обычных путешественников, Мечников уделяет мало внимания знаменитым итальянским достопримечательностям, и это понятно: он участник военного конфликта. Но и здесь сказывается врожденная любознательность автора, и он доносит до нас описания нескольких городов – в первую очередь, это Палермо и Неаполь, и затем, во время лечения раны, Казерта. Особенно детально представлен Неаполь – его трущобы с трактиром Санджованнары (она выступает как «авторитетный» представитель каморры, несмотря на принадлежность к женскому полу, а также как участник подготовки триумфального вхождения Гарибальди в город), неаполитанские гостиницы и особняки, в одном из которых обитает Александр Дюма, один из главных творцов европейского мифа о Гарибальди.

Мечникову чужд пафос: он во взвешенных формулировках рассказывает как о героизме, так и о трусости и жестокости, в т. ч. проявленных самими гарибальдийцами во время отражения контрнаступления войск Бурбонов под Казертой. Пожалуй, наиболее пафосным выглядит эпизод со старухой, без устали протестующей против конфискации (даже с возмещением ущерба) ее скромного добра при обороне Капуи. В целом большую ценность представляет обширная информация о позиции итальянского Юга во время гарибальдийской эпопеи: показателен рассказ о предпринимателе из региона Абруццо Доменико Флокко, который пришел на помощь защищавшимся гарибальдийцам.

Репортаж Мечникова – это более чем дневник, так как он включает в себя важную документацию по процессу объединения Италии, состоящей тогда из, по сути дела, разных стран, порой легко совмещающихся, но зачастую противоположных друг другу. Русский гарибальдиец, будучи наблюдателем внешним, был, вероятно, более подготовлен для восприятия различий на Апеннинах, чему, вне сомнения, способствовал его лингвистический и культурный багаж, да и страсть к наблюдению и исследованию. Одно из разительных противоречий, им описанных, – это пропасть между менталитетом пьемонтской элиты, военной и бюрократической, и менталитетом южан, в особенности, калабрийцев, которых сам Мечников назвал «дикими».

Эти противоречия в культуре, психологии, образе мышления привели к разного рода последствиям, в том числе, к возникновению южноитальянского бандитизма, ставшего язвой

объединенной державы, может, и залеченной, но еще не объясненной во всей ее драматической полноте.

Последние страницы репортажа Мечникова – еще одно прямое свидетельство взаимного непонимания между Пьемонтом и Калабрией, и шире, между Севером и Югом. Его эпилог, с одной стороны, закрывает историографическую полемику, но с другой стороны – дает пищу новым дискуссиям.

Россиянин выявляет значительное присутствие иностранцев в гарибальдийском движении, в первую очередь, – поляков и венгров, а также совершает попытку вскрыть их характерные, часто противоположные черты.

В целом можно сказать, что его острый взгляд наблюдателя обращен, в первую очередь, на региональные особенности населения Южной Италии, однако подобный подход присущ ему при зарисовках гарибальдийцев-добровольцев, выходцев из Тосканы, Ломбардии, Абруццо, Калабрии, Сицилии.

На первом плане всегда остается человек, но при этом от Мечникова не ускользает и пейзаж местности, как природный, так и исторический.

Попав в Палермо, автор отмечает улицы, заваленные развалинами домов – результат арт-обстрела бурбонской армии, каравшей восставшую сицилийскую столицу. В Капуе он описывает древнеримскую арку – однако, не в качестве памятника античности, а как элемент будущей обороны гарибальдийцев на Вольтурно. Так, природный пейзаж, древние магистрали, рвы, кустарниковые заросли и рощи, да и сама река Вольтурно у Мечникова даны сквозь призму военной стратегии, с точки зрения возможности нанести урон бурбонским солдатам или отразить их атаки.

В Записках присутствует и экскурс в биографию Гарибальди и его жены Аниты. Две главы, им посвященные, имеют двойную функцию: это и исторические очерки, и база для последующих российской и европейской легенд о «герое двух миров».

В целом Записки Мечникова – это широкое полотно Юга Италии, написанное в судьбоносный момент его истории. С этой точки зрения, публикуемый нами текст является необыкновенно ценным документом, содержащим широчайшую гамму деталей о Рисорджименто. Он позволяет нам лучше понять внутренний механизм объединения Италии и грядущие его последствия, ощутимые и сегодня. Перед нами – важный элемент мозаики итальянского Рисорджименто, созданный русским автором. Это уникальная часть общего богатого корпуса гарибальдийской мемуарной литературы.

Итальянская публика прочла Записки Мечникова в начале XXI столетия, полтора века спустя после описываемых событий, и тем не менее нашла в них немало нового и оригинального.

Их автору в момент его прибытия волонтером к полковнику Джованни Никотера (будущий министр собирал в Ливорно и Флоренции три сотни «молодых и сильных» для их отправки в Палермо, затем в Неаполь) исполнилось всего 22 года. Русский доброволец был исполнен огромного энтузиазма, обогащенного знаниями и опытом бурной юности. К его вооружению прибавлялись ручки, кисти, бумага – для того, чтобы записывать и зарисовывать. Мечников не был ни первым добровольцем, ни первым русским у Гарибальди. В русской историографии называют имена и других русских гарибальдийцев, даже женщин и подростков. Вообще, в 1859–1870 гг. Гарибальди находился в самом центре общественного внимания России².

² См.: Невлер В. Е. Джузеппе Гарибальди и русское общество в годы революционной ситуации (1859–1861 гг.) // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 69–101; Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.-Пг., 1923. С. 25. Здесь и далее – примеч. переводчика.

Юношу вдохновляла справедливая борьба итальянцев против чужеземного правления, и он, несмотря на природный недостаток (хромоту), всецело отдался сложной задаче – сооружению артиллерийской батареи в уязвимом месте защиты гарибальдийцев перед грядущей, решающей битвой с бурбонскими войсками.

Сам Гарибальди пишет об этом следующее: «Увеличив насколько возможно численность своих войск, ободренные частичным успехом, враги готовились перейти в наступление. Со своей стороны мы предприняли кое-какие оборонительные меры, которые оченьгодились у Маддалони, на Сант-Анджело и особенно у Санта-Мария, где это было крайне необходимо, так как наши позиции находились на открытой равнине, лишенной естественной защиты»³. Именно предусмотрительность и умение Льва Мечникова сыграли главную роль на этом участке обороны, наряду с помощью предпринимателя из Абруццо Доменико Флокко.

Последний при встрече с Гарибальди встал на колени и поцеловал ему руку – таков был патриотический порыв итальянцев!

Об этом же порыве свидетельствует Мечников, когда описывает свое пребывание в Палермо у падре Кукурулло. Священник – через русского свидетеля – сообщает по меньшей мере три важные вещи. Во-первых, восстание против бурбонского правления было подготовлено и организовано местными кюре, приходскими священниками. Во-вторых, существовали глубокие противоречия между рядовым клиром и епископатом, зависевшим от местных баронов-латифундистов. В третьих, падре Кукурулло размышляет о том, что одно дело – решать социальные проблемы в Неаполе, а другое – в далеком Турине, иными словами – размышляет о том, какой быть будущей объединенной Италии, унитарной или федеральной?

События идут своим чередом. Многие священники (понятно, не все), фра Панталео, падре Гавацци и другие действуют во имя объединенной Италии, но Мечников показывает растущие у них сомнения. Их источник – разные мотивы действия: русский автор показывает, что даже между прогарибальдийскими священниками фра Панталео и падре Гавацци существовало расхождение.

Падре Гавацци, как следует из главы, ему посвященной, а также из статей выдающегося русского публициста Николая Добролюбова⁴, имел свои представления о Рисорджименто и его соотношении с евангельскими идеалами. Ясно, что трудно краткими словами рассказать о несостоявшемся моральном обновлении нации в период ее становления, однако Мечникову удается показать сложные отношения между рядовым клиром и лидерами Рисорджименто. Он делает это даже более эффективно, нежели поддержанный советской идеологией Добролюбов. Заметим, что «реакционный» журнал Каткова «Русский вестник» в те годы оказался более внимательным и открытым к итальянским проблемам, нежели «прогрессивный» «Современник» Некрасова и Чернышевского.

В таком случае, возникает вопрос: каким образом 22-летний неизвестный автор сумел опубликовать на страницах «правого» журнала заметки о Гарибальди и о итальянской революции – о сюжетах, считавшихся весьма «левыми»?

Начнем с того, что здесь подтверждается тезис историка Джузеппе Берти об «открытости» русской публики к проблематике движения итальянцев за объединение страны, в особенности после поражения ни колаевской России в Крымской войне⁵. Новый император Александр II проводил тогда политику, напоминающую политику его просвещенного дяди Александра I, который поддерживал итальянский либерализм в пику Австрии. Поддержка Рисорджименто в Петербурге означала создание противовеса по отношению к стремлению

³ Цит. по: Гарибальди Дж. Мемуары / пер. В. С. Бондарчука и Ю. А. Фридмана. М.: Наука, 1966. С. 352.

⁴ Чезаре Де Микелис собрал и перевел статьи Н. А. Добролюбова на итальянские темы: Dobroljubov N. Conti, preti, briganti, cronache italiane [Графы, священники, разбойники, итальянские хроники]. Milano: Giordano, 1966.

⁵ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. См. также: Risaliti R. Storia della Russia. Dalle origini all'Ottocento [История России. От истоков до XIX столетия]. Milano: Mondadori, 2005. P. 203 и далее.

Франции к гегемонии в Средиземноморье и Австрии – на Балканах. В этом – ключ к внешней политике России на Апеннинском полуострове, при том, что одновременно тогда идет «большая игра» двух империй, Британской и Российской, каждая из которых желает получить Италию в свою «команду».

Однако российское правительство, как и другие европейские, желало рассматривать объединение Италии как некое династическое расширение Савойского дома, позволяющее избежать рискованных сценариев социальной революции. Это прекрасно понимает и Гарибальди-политик (весьма прагматичный, вопреки его романтическому ореолу), который завладевает южными территориями «во имя Италии и Виктора-Эммануила II». Он методично придерживается этой линии, не боясь вступать в конфликт с республиканскими порывами Мадзини и его последователей, встречавшимися и среди краснорубашечников. Можно сказать, что предпринятая по инициативе Кавура савойская оккупация областей Умбрии и Марке положила конец надеждам на социальную революцию на Юге, одновременно облегчив задачу всем тем, кто, подобно гарибальдийскому генералу Нино Биксио, желал лишь объединения Италии. Тот же Биксио жестоко подавил восстание сицилийских крестьян возле городка Бронте (4 августа 1860 г.), что стало началом других репрессивных действий объединенного государства против обездоленных южно-итальянских крестьян и горожан. Даже сам Гарибальди в таких протестных выступлениях держался унитарной державности. Вот что он пишет о волнениях крестьян в Кампании: «Передовые колонны нашей Южной армии, едва подойдя к Неаполю, были направлены в Авеллино и Ариано для подавления реакционных восстаний, поднятых священниками и сторонниками Бурбонов. Миссия эта была возложена на генерала Тюрра, и он ее блестяще выполнил»⁶.

Мечников дальновидно показывает, как прибытие пьемонтской администрации вызывает вздох облегчения у имущего класса, одновременно способствуя расслоению на тех гарибальдийцев, которые, как Биксио, верноподданнически служат савойской короне, и тех, кто подобно кала брийским волонтерам полагает унизительным сдавать добытое в боях оружие – пусть и в обмен на почести от новых правителей. Таковы были симптомы болезни, вспыхнувшей после объединения и получившей название «бандитизм» (*brigantaggio*): ради его подавления правительство разрушило немало сел и деревень и уничтожило около десятка тысяч человек⁷.

В тот момент Гарибальди, как и многие его приверженцы, временно удалился от дел на остров Капрера. Он не мог не прислушиваться к тому, что происходило в новой Италии и оставаться равнодушным к пережиткам старого правления, в первую очередь – к сохранившейся светской власти Римских пап. С этой точки зрения, очень важны тексты Мечникова, статьи и письма, которые рассказывают о событиях тех лет в Италии вплоть до 1864 г., когда он переехал в Женеву, ставшую на десятилетия центром русской политической эмиграции.

Каковы же были размышления Мечникова после завершения гарибальдийского «похода Тысячи»? Очень многое выражено в его к письме к Чернышевскому, проанализированном киевским историком Николаем Варварцевым⁸. Незадолго до ареста русский публицист получает из Италии от Льва Мечникова письмо, отправленное 20 июня 1862 г. (нов. ст.) со статьей о Джузеппе Мадзини. Позднее, в середине июля того же года Мечников пишет Чернышевскому письмо с рассказом о том, как был отстранен от журнала «*Flagello*» и с предложением целой серии статей для «*Современника*» по политической панораме Италии. Приведем этот интересный проект Мечникова: 1) Манин – Венеция в 1848–1849 гг.; 2) Мадзини – лидер движения в Риме в 1849 г.; 3) Каттанео – Ломбардия в 1848 г.; 4) три экспедиции – братьев Бандьера,

⁶ Гарибальди Дж. Указ. соч. (гл. 15).

⁷ Del Boca A. *Italiani brava gente?* Vicenza: Neri Pozza, 2005. P. 57–72.

⁸ Варварцев М. М. Левко Мечников – відомий і невідомий // Вісник Академії наук України. 1992, № 4. С. 68–91.

Пизакане, Гарибальди; 5) В. Джоберти; 6) Ч. Бальбо; 7) Кавур (вместе с двумя предыдущими темами, эта статья мыслилась как анализ курса пьемонтского правительства в отношении объединения страны, конституционализма и нации); 8) Пьемонт в 1848 г.; 9) Неаполь в 1848 г. (министр Тройя, радикалы, Поэрио и т. п.); 10) Сицилия в 1848 г.; 11) Леопарди и Джусти; 12) Тосканский триумvirат (Гуэрраци, Монтанелли, Маццони); 13) Южная Италия в 1862 г.⁹

Отношению Мечникова к процессу объединения Италии уделил внимание и итальянский историк Франко Вентури в своем глубоком труде «Il populismo russo». Он пишет, что Мечников верил в «спасение Италии через буржуазно-христианский мир, который должен возродиться, породнившись с новым элементом, славянским миром, и создав вместе с ним вселенскую федерацию ради избавления от пережитков христианского феодализма и буржуазии»¹⁰.

В целом Лев Мечников, в самом деле, оценивал итальянское Рисорджименто как истинное возрождение. Увы, арест Чернышевского в июне 1862 г. и закрытие «Современника» (на 8 месяцев) не дали состояться этому интереснейшему проекту. В русской периодической печати позднее появились лишь частичные фрагменты итальянской «мозаики» Мечникова.

Особенно интересен один такой очерк – «Капрера»¹¹. В нем автор, подписавшийся псевдонимом Л. Бранди, ясно и выразительно описал отношения, точнее разногласия (по крестьянскому вопросу) между Гарибальди и тогдашней Партией действия: ни эта партия, ни т. н. «умеренные» даже не пытались облегчить положение крестьянских масс, в отличие от Гарибальди. Гениальный вождь остался непонятым даже своими близкими сподвижниками: его удаление на Капреру стало символом крушения многих надежд. Одновременно Гарибальди разглядел глубокие идейные перемены среди своих помощников – те перемены, которые привели, к примеру, Франческо Криспи в стан реакции и зачинателей колониальных походов Италии. Гарибальди почувствовал поражение демократических идеалов и свое одиночество.

Интерес к Гарибальди в русском обществе, тем не менее, не спадает. Отношение к нему сконцентрировано в одной фразе (1860 г.) тогда еще молодого Менделеева, отнюдь не революционера – «Счастлива страна, которая может назвать, может производить таких людей!»¹². Его восхваляют писатель И. С. Тургенев, корреспондент Маркса П. В. Анненков, царский цензор А. В. Никитенко. Профессор С. П. Шевырев сочинил целую поэму: «Герой – пустынный с острова Капреры, / И грозный вопль из уст его гремит: / Рим или смерть. И громоносным криком / Сицилию, Калабрию трясет; / Зовет народ в безумии великом: / На Рим! на Рим! И раненый падет. // Не Гарибальди ранен, нет, природа / Его крепка – и выше ран стоит: / Та рана в теле у его народа / Всей скорбию Италии болит»¹³. Но не только рана, полученная Гарибальди в Аспромонте, или его добровольная ссылка на остров Капрера, но и события Третьей войны за независимость (1866 г.) привлекают внимание в России.

Об этой войне писал В. О. Ковалевский, посланный корреспондентом «Санкт-Петербургских новостей» в штаб Гарибальди. Согласно В. Е. Невлеру, народник Ковалевский сумел отразить личный героизм Гарибальди и энтузиазм верившего ему народа, и одновременно – дистанцированность итальянского правительства от гарибальдийских волонтеров¹⁴.

В период после временного закрытия «Современника» положение Мечникова изменилось не только в журналистской, но и в личной сфере. Он встречает женщину своей жизни – Ольгу Ростиславовну Скарятину. Обычно в исторических трудах о Мечникове мало пишут

⁹ Письмо было опубликовано в: Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные материалы. Саратов, 1939. С. 72 и далее.

¹⁰ Venturi F. Il populismo russo. Vol. I. Torino: Einaudi, 1972. P. 334.

¹¹ Бранди Л. Капрера // Современник, март 1860.

¹² Цит. по: Невлер. Указ. соч. С. 90.

¹³ «Болезнь». Неизданная поэма С. П. Шевырева / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л. И. Соболева // Новое литературное обозрение. 2004. № 69.

¹⁴ Nevler V. E. Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici // I quaderni di Rassegna Sovietica. Quaderno secondo. Roma, 1968. P. 309.

об этом романтическом сюжете. Многое приоткрылось благодаря историку и литературоведу Н. П. Анциферову, который в 1956 г. опубликовал переписку Скарятинной с Герценом¹⁵.

Ольга Скарятинна (1834–?) была замужем за Владимиром Дмитриевичем Скарятиным, бывшим морским офицером, сибирским золотопромышленником, в 1860-е гг. ставшим деятельным публицистом: он писал из Италии корреспонденции в «Русский вестник» с позиций умеренного либерализма и парламентаризма английского типа. Его супруга была не удовлетворена браком, но, тем не менее, прибыла с дочерью Надеждой к мужу в Тоскану, преодолев Кавказ и Константинополь. Согласно недавнему беллетризованному рассказу, Мечников и Скарятинна познакомились во Флоренции, на приеме, который дали супруги¹⁶. Автор рассказа полагает, что именно муж Скарятинной протезировал юного литератора-революционера в «Русский вестник» Каткова: для Мечникова, несомненно, было почетно появиться на страницах журнала, печатавшего Лескова, Тургенева, Льва и Алексея Толстых, но при этом считавшегося «правым».

Из переписки Скарятинной с Герценом возникает образ мятущейся женщины: она, в действительности, пыталась даже покончить жизнь самоубийством, о чем сообщала Герцену. Вскоре «события разворачиваются с головокружительной быстротой: Ольга бросает своего безупречного мужа, его миллионы, сделанные на золотых приисках Енисейска, названных им «русской Калифорнией», и уходит к нервному, бедствующему, хрому вследствие болезни, перенесенной в детстве, а теперь еще и ранения, поручику-гарибальдийцу. Скандал разразился невероятный. Оскорбленный Владимир Скарятин покидает Италию, оставив там бывшую жену и пятилетнюю дочь»¹⁷.

Положение Мечникова осложнилось. Необыкновенно талантливый, обладавший огромной любознательностью и разного рода талантами (включая литературный), он с целью содержания Ольги и ее дочери был вынужден заниматься поденным трудом. В Италии он становится *persona non grata* и его высылают полиция, что документирует Н. Варварцев¹⁸. Лев и Ольга переезжают в Женеву, где, несмотря на поддержку русской эмигрантской среды, Мечникову едва удается сводить концы с концами.

Вероятно, в такой обстановке у него родилась идея отправиться корреспондентом в Испанию, где назревала революционная ситуация. Оттуда он шлет серию статей, опубликованных в «Отечественных записках». Политически он всё более сближается с идеями народничества и социализма, хотя и отмечает у нового революционного поколения, вместе с готовностью на героизм, чуждый ему «догматизм, аскетизм и фанатизм»¹⁹.

Вместе с тем, в период с 1864 по 1874 гг. эмигрант опубликовал множество текстов по Италии. На том этапе его интересы сместились в сторону литературы, однако со свойственной ему глубиной и пронизательностью он помещает филологию в историко-политический контекст. Вероятно, сознавая свое собственное устремление сочетать общественный пафос с литературой, Мечникова интересуют в первую очередь писатели-патриоты, такие, как Джузеппе Джустини и Франческо Доменико Гуерацци. Он пишет также, в сходном ключе, важный очерк о политической мысли в итальянской литературе, от Данте Алигьери до Чезаре Бальбо.

¹⁵ Из переписки Герцена с О. Р. Скарятинной / публ. Н. П. Анциферова // Литературное наследство. Т. 63, № 3. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 93–103. О Н. П. Анциферове, ученике медиевиста И. М. Гревса, историке и литературоведе, см. подробную статью Д. С. Московской в: Анциферов Н. П. Отчизна моей души. М.: Старая Басманная, 2016. С. 13–36.

¹⁶ Сосницкая М. Блеск и нищета российского гарибальдийца: к 170-летию рождения и 120-летию смерти // Интернет-издание «Русский журнал»; <http://www.russ.ru/pole/Blesk-i-nischeta-rossijskogo-garibal-dijca>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Varvarcev M. Lev Mečnikov e l'Italia // Mečnikov L. I. Memorie di un garibaldino russo / a cura di R. Risaliti. Moncalieri: CIRVI, 2011. P. 55–56.

¹⁹ Из переписки деятелей освободительного движения. Материалы из архива Л. И. Мечникова / Публ. А. К. и О. В. Лишних // Литературное наследство. Т. 87. М.: Наука, 1977. С. 471.

Ради достойного заработка Мечников решается на другое, воистину героическое, с научной точки зрения предприятие – выучив японский язык, получить кафедру в Японии, что ему и удалось сделать, в 1874 г. Он не мог поехать в Японию через Россию, и поэтому отправился туда через США, где принял гражданство. Пробыв в Стране восходящего солнца два года, он завоевал уважение коллег, досконально изучил местную культуру и собрал материал для будущей книги. Однако его здоровье окончательно пошатнулось и ему предписали вернуться в Европу. Итогом его японского опыта стала выпущенная в 1881 г. книга «L'Empire Japonais» – почти 700-страничный трактат, с собственноручно выполненными географическими картами, рисунками в японском стиле и редкими тогда фотографиями. С изданием помог коллега и покровитель Мечникова, видный французский географ Элизе Реклю. Монография о Японии получила заслуженную известность, но следует напомнить, что неутомимый исследователь опубликовал еще с десятков книг о восточных народах и их языках, став пионером и в востоковедении.

Снова обосновавшись в Швейцарии, Лев пишет множество статей на различные географические, этнографические и культурологические темы. Он становится секретарем издаваемой Реклю 19-томной «Nouvelle Géographie Universelle» [«Новая всемирная география»]. Он много пишет и в русскую прессу, но под псевдонимами (Эмиль Денегри, Виктор Басардин, А. Д., В. Б. и др.) Среди важных его работ того периода – «Душевная гигиена» (1878), «Культурное значение демонизма» (1879), «Вопросы общественности и нравственности» (1879), «Жан-Жак Руссо» (1881), «Школа борьбы в социологии» (1884).

В 1881 г. под псевдонимом Виторио²⁰ Отolini он публикует роман «Гарибальдийцы», где отразились в беллетризированной форме те же самые события, которые описаны в публикуемых нами «Записках». В начале 80-х гг. он создает главный труд своей жизни, опубликованный по-французски уже посмертно – книгу «Цивилизация и великие исторические реки» с анализом устройства общества и освоения им географической среды (на русский язык книга была переведена дважды в 1898 и в 1924 гг.). Согласно автору, подневольные союзы людей могут освоить только исторические реки (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы, Хуанхэ), подчинённые – уже средиземные моря, и только свободные народы – океаны. Его заветом будущему можно считать следующее слова: «Смерть или солидарность – других путей у человечества нет. Если оно не хочет погибнуть, то люди неизбежно должны прибегать к солидарности и к общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды. В этом заключается великий закон прогресса и залог успешного развития человеческой цивилизации».

Жизнь Льва Ильича Мечникова была относительно краткой: он скончался 18 июня 1888 г. в возрасте 50 лет в швейцарском городе Кларансе и там же был погребен (могила утрачена). Несмотря на эту краткость, она была исполнена высокого смысла и динамизма. И за это нам его нельзя забывать.

Предпринятая нами публикация служит именно этой цели.

Главный трактат Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» был недавно дважды, в 1995 г. и в 2013 г., переиздан (в переводе 1924 г.)²¹, и теперь его автора называют «отцом русской геополитики»²². Имеет смысл пристальнее обратиться к его текстам, посвященным Италии и открывающим новые горизонты как для италянистики, так и для изучения русского народничества. Сейчас становится ясно, что общественные и геополитические взгляды Мечникова не совпадали с главным идеологическим течением той эпохи, с марксизмом, что явилось причиной малого внимания к нашему автору в советскую эпоху, несмотря

²⁰ По правилам надо: Витторио; остается гадать, сознательно ли Мечников допустил эту неточность.

²¹ В последнем переиздании, 2013 г., изд-во «АЙРИС-пресс», помещен обстоятельный биографический очерк В. И. Евдокимова – «Феномен Льва Мечникова».

²² См. посвященную Л. Мечникову статью в русской Википедии.

на его революционную деятельность. Он не был понят и своими товарищами по политической эмиграции, в первую очередь, Бакуниным и другими анархистами.

Были правы исследователи его наследия А. К. и О. В. Лишины, писавшие: «Несмотря на давний интерес историков и литературоведов к жизни и деятельности Мечникова, его научная биография до сих пор ещё не составлена, не изучено сколько-нибудь обстоятельно его научное и литературное наследие, не освещена его роль в русском и международном общественном движении того времени»²³.

Пришла пора вернуть Льву Мечникову заслуженное место в европейской историографии, не только как аналитику итальянского Рисорджименто, но и в целом как мыслителю мирового уровня.

Надеемся, что впервые издаваемые как книга его «Записки гарибальдийца» этому поспособствуют.

Ренато Ризалити
Пистойя, март 2016 г.

перевод Михаила Талалая

²³ Из переписки деятелей освободительного движения. Указ. соч. С. 460.

Записки гарибальдийца

Вскоре после взятия Палермо, когда Гарибальди явно выказал намерение продолжать так блистательно начатое предприятие²⁴, во всей Италии стали собирать волонтеров, из которых образовались три бригады: две в Генуе и одна во Флоренции. Правительство сначала не только не препятствовало их формированию, но даже уступило для последней один из казенных замков, *Castel Pulci*²⁵, в пяти милях от Флоренции. Пьемонтские офицеры, со своей стороны, содействовали, чем могли, этому предприятию. Когда же, по распоряжению центрального комитета, начальство над флорентийской бригадой принял полковник Джованни Никотера²⁶, родом калабриец, один из двадцати пяти, высадившийся с Пизакане близ Сапри, и за это осужденный на пожизненное заключение в одной из палермских тюрем, человек энергический и воспитанный в убеждениях мадзиниевой «Юной Италии», то губернатор тосканский Риказоли²⁷, резко заявил комитетам недовольство правительства этим выбором и совершенно прекратил все правительственные пособия. Вскоре после того, когда бригада получила трехцветное знамя без сардинского герба, и когда не в шутку стали поговаривать о том, что Никотера вовсе не имеет желаний вести своих волонтеров к Гарибальди на Сицилию, а хочет высадиться с ними в Папские владения²⁸, правительство, частью по требованию иностранных агентов, частью по собственным побуждениям, предписало волонтерам разойтись. Предписание это исполнено не было, и Риказоли приказал арестовать полковника Никотера и отвезти его в одну из флорентийских тюрем.

Тогда волонтеры отправили депутацию к губернатору, прося об освобождении полковника и угрожая в случае отказа нападением на Флоренцию, где в это время было очень мало войска.

Риказоли освободил Никотера, но с условием, чтобы тот на следующий же день отвел волонтеров в Ливорно, где найдет заготовленные пароходы, на которых может отправиться куда ему будет угодно, но взял с него честное слово, что он Папских владений не тронет, не «посетив предварительно родного ему калабрийского берега».

Губернатор, со своей стороны, обязывался еще выдать двадцать четыре тысячи франков на путевые издержки и снабдить отправлявшихся съестными припасами на семь дней.

Волонтеры должны были сдать ружья на сардинские полковые фуры и получить их обратно уже на пароходах при выходе из ливорнского порта.

Пока происходило всё это, Гарибальди взял Милаццо и приближался к Мессине. Доходившие слухи о подвигах его в Сицилии до крайности раздражали нетерпение бедных тосканских волонтеров, осужденных пока на утомительную казарменную стоянку.

Наконец, 30-го августа [1860 г.], настал желанный день похода.

²⁴ В ходе военной кампании Гарибальди против бурбонского правления на Юге Италии, названной «экспедицией Тысячи», в мае 1860 г. были одержаны важные победы и взята столица Сицилии, Палермо. – Здесь и далее прим. М. Талалая.

²⁵ Кастель-Пульчи – замок, иначе вилла, близ Флоренции, на совр. территории коммуны Скандиччи; в казенном ведении – с 1854 г., после описываемых событий использовалась, до 1973 г., как психиатрическая лечебница; в ее стенах, в 1932 г. скончался поэт Дино Кампана. См.: Ризалити Р. Русская Тоскана. СПб.: Алетейя, 2012. С. 90–93.

²⁶ Джованни Никотера (1828–1894) – политический деятель, с 15-летнего возраста член «Молодой Италии», основанной Джузеппе Мадзини; в объединенной Италии – министр внутренних дел; автор далее рассказывает о неудачной экспедиции революционера-республиканца Карло Пизакане в 1857 г. с целью освобождения политзаключенных в королевстве Обеих Сицилий.

²⁷ Беттино Риказоли (в соответствии с тосканским произношением – Рикасоли, как теперь и принято транслитерировать) (1809–1880) – политический деятель (дважды премьер-министр объединенной Италии), после упразднения Великого герцогства Тосканского в 1859 г. – генерал-губернатор Тосканы, назначенный королем Виктором-Эммануилом II.

²⁸ Так автор называет Папское государство (иначе Папская область), просуществовавшее до 1870 г.

I. Отправление

Солнце начинало жарить не на шутку. Солдаты давно стояли в рядах, нетерпеливо ожидая желанного сигнала; побаивались, чтоб отъезда не отложили до другого дня, как это не раз уже бывало. Красные рубахи офицеров, резко отделяясь от серых блуз рядовых, мелькали там и сям. В тени сгруппировалась живописная кучка возле знамени: кто сибаритски расположился на земле, кто важно сидел на барабане, покуривая сигару; с утра оседланные лошади стояли тут же. Никотера был нетерпеливее всех, или по крайней мере сильнее всех это выказывал то отрывочными восклицаниями, то всеми мускулами своего энергического лица.

На небольшой площадке, в стороне, укладывали тюки ружей на военные фуры. Карабинерные офицеры, назначенные от правительства для наблюдения за этим, важно сидели в тени. Назначенные для той же цели офицеры из волонтеров принимали более деятельное участие. В полной форме, с трехцветными шарфами через плечо, одни лазили на самый верх высокой фуры; другие помогали тащить огромные тюки. Рыженький пармеджян²⁹, раскрасневшись от жару, весь в поту, в фуражке на затылок, особенно бегал и суетился; коренастый римлянин с очень строгим профилем сохранял величавое спокойствие, но был более полезен делу...

Нетерпение возрастало вместе с жаром. Пестрая толпа контадинов³⁰ усеяла ограду и перекрикивалась с волонтерами, стоявшими под ружьем; другие, более смелые, ломались в ворота, и часовые едва сдерживали их.

Наконец, – ведь всему бывает конец, – плечистый фурлейт³¹ вскочил на одного из мулов последней телеги, барабан затрещал, и полковник первый выехал из ворот на своем гнедом жеребце, которого успел уже замылить и зашпорить. Весело шли волонтеры с некрутой горки. *Addio, Castel Pulci!*³² – раздавалось сквозь бой барабана. Контадины бежали по сторонам, прощаясь, многие в последний раз, с дорогими сердцу. Женщины махали огромными соломенными шляпами; редко кто плакал. Во всех окнах мелькали трехцветные знамена. «*Viva l'Italia!*»³³ сливалось в протяжный гул...

Быстро мелькали мимо знакомые места; офицеры едва сдерживали солдат, которые почти бежали, так что нагоняли поминутно главный штаб, ехавший впереди верхом. В стороне дороги, около 1-й роты, бежала женщина лет тридцати пяти, когда-то должно быть очень красивая. Жена капитана, она хотела до последней минуты быть при нем, и для облегчения его участи несла сама что могла из его амуниции. Башмаки ее набились песком; она спотыкалась на каждом шагу, и наконец упала в совершенном изнеможении... Кто мог остановиться, поспешил помочь ей.

«Наконец-то мы выбрались», – услышал я над самым ухом. Я обернулся, – возле меня стоял мой *ordinanza*, денщик, мальчик лет четырнадцати, с нежным лицом, вспыхнувшим от жару. Большие черные глаза его сияли от радости. Сын пизанского работника, он бежал от отца и пришел во Флоренцию, чтобы записаться в волонтеры. С ним не было необходимых бумаг – ему отказали. Он возвратился в Пизу и через день пришел с надлежащими документами; ноги его были в крови, он почти валился от усталости. Ему опять отказали, основываясь на том, что он слишком мал для фронта; мальчик начал плакать. Над ним сжалились, но принять его не могли, так как в барабанщики вакансии не было. Оставалось, чтобы кто-нибудь согласился

²⁹ Итальянизм: уроженец Пармы, parmegiano (пармеджано), слово, которым чаще называют прославленный сыр (в русской традиции употребляема французская форма, пармезан).

³⁰ Итальянизм: крестьяне, от contadino.

³¹ Солдат при фурах, возница.

³² Прощай, Кастель-Пульчи! (здесь и далее, кроме особо указанных, – итал.).

³³ Да здравствует Италия! – главный лозунг Рисорджименто; так, к примеру, назван фильм Роберто Росселини (1961 г.) об «экспедиции Тысячи» Гарибальди.

взять его в денщики. Я попросил его себе, и не знаю сделал ли хорошо, или дурно. Во всяком случае, желание его было так благородно, и притом он с такою недетскою энергией стремился к своей цели, что я не мог не способствовать ему к ее достижению. Он был принят как раз накануне отправления и экипирован на скорую руку: какой-то старый кепи национального гвардейца, блуза почти до пят, засученные штаны и лакированные башмаки на босую ногу. Прибавьте еще тесак почти во всю длину его фигуры и пьемонтский *sacc'a pane*³⁴, из которого выглядывали *Confessions* Жан-Жака Руссо и *Oсада Флоренции* Гверрацци³⁵, взятые мною для услаждения досугов казарменной жизни, куда-то мною заброшенные во время последней суматохи и им подобранные из особенного усердия ко мне.

В Синье ожидал нас поезд железной дороги, и к вечеру мы были в Ливорно.

Нас встретили исключительно карабинеры, кажется, все бывшие в то время в Ливорно. Капитан над портом тотчас же предложил полковнику отправиться на заготовленные, по распоряжению Риказоли, пароходы... На одной из последних барок, нагруженных порохом, подъехал я к борту. Нас отказались принять, говоря, что и без того уже нагружены до крайности. Приходилось провести ночь на барке. Я не ел ничего с утра, – но *à la guerre comme à la guerre*³⁶; я уместился, как мог комфортабельнее на мешках, и рекомендовав остальным не курить, завернулся в плащ и приготовился уснуть... Несмотря на усталость, мне не спалось. Много пробуждалось в голове такого, о чем я вам рассказывать не буду.

Ночь была тиха, море спокойно. Суда рисовались темными массами на легком фоне ясного неба. Кое-где мелькали огоньки. Картина была фантастически хороша. Барку постоянно ворочало течением, и трудно было составить определенное понятие о местности. Незаметно я уснул...

Наутро солнце ударило мне в глаза, едва появившись на горизонте; я проснулся. Была суматоха. Утренний ветерок всколыхал море, и барка стала держаться очень беспокойно. С парохода (оказался голландский, «Рона» из Роттердама) не хотели дать каботы³⁷. Солдаты не могли объясниться с матросами. Пришлось мне перелезть на пароход. Я спросил капитана; его не оказалось; старшего офицера тоже. Явился какой-то господин в байковой рубашке. Кое-как, при помощи немецкого и английского языков, я объяснился с ним. Он мне пожаловался на волонтеров, проводивших ночь на пароходе, и объявил, что капитан съехал до рассвета и запретил без себя входить в какие бы то ни было сношения с «галибардейцами».

Пришел офицер сменить меня и сказал, чтоб я ехал на французский пароход *Provence*, что там полковник и весь штаб, и что там можно позавтракать и отдохнуть... Во время переезда мы встретили два парохода, только что пришедшие из Генуи. Вся палуба была усеяна красными рубашками. Громогласные *Viva* неслись оттуда. Эта была часть раскассированной, по распоряжению правительства, экспедиции Бертани³⁸, приехавшая присоединиться к нам. На французском пароходе мы были приняты любезнее. На палубе нельзя было ходить, так она была полна солдатами. В каютах обоих классов толпились офицеры. Полковник, мне сказали, очень занят в каюте капитана. Офицеры сидели праздно. Некоторые спали, иные играли в шахматы. Из разговоров я узнал, что дело плохо, что, Риказоли обещания сдерживать, кажется, не намерен, что капитан и тут съехал на берег и увез с собой весь экипаж; что французский консул приходил к полковнику, и говорили они между собой очень круто...

³⁴ Saccapane (иначе tascapane) – солдатский ранец в обиходном языке.

³⁵ Книги: Жан-Жака Руссо, «Исповедь» (*Les Confessions*), и Доменико Гверрацци (правильнее Гуэррацци), «Осада Флоренции», роман, опубликованный в 1836 г. и ставший настольной книгой итальянских патриотов республиканского направления.

³⁶ На войне как на войне (фр.).

³⁷ Вероятно, право на каботаж, плавание вдоль берега, без выхода в открытое море и пересечения национальных границ.

³⁸ Агостино Бертани (1812–1886) – врач и революционер-гарибальдиец.

Едва уселись за стол к завтраку, с берега послышался барабанный бой, потом вошел лакей и отозвал полковника. Началось смятение. Мы вышли на палубу. Вокруг нас очутились военные сардинские пароходы; на моле возились около пушек. Немного погодя, возвращаюсь в каюту. Возвратился и полковник. Он был бледнее обыкновенного, и губы его были искусаны в кровь. За ним вошел капитан над портом, вдали виднелись треуголки и прочее.

– Господа, – задыхаясь, сказал Никотера, – мы попали в ловушку. Вчера нас боялись и нам обещали. Сегодня мы в их руках, и нам предлагают сдаться, без условий, военнопленными. Если бы дело шло о нас одних, – наш ответ готов. Но мы отвечаем за жизнь двух тысяч благородных юношей, которые могут употребить ее с пользою для отечества. Сопrotивление невозможно при такой обстановке.

Он указал на мол, который был виден в круглое окно каюты. Собрали наскоро военный совет; наговорили много чепухи; много было честного увлечения, но идущего к делу – мало; наконец решили, что сила солому ломит, и сдались. Капитан над портом вышел на палубу объявить солдатам обо всем случившемся, и прибавил, что если кто хочет возвратиться домой, тому будут даны от правительства средства исполнить это. Его освистали. Решено было наутро, обезоружив нас, препроводить в Палермо в распоряжение диктатора³⁹. Солдаты остались довольны. Капитан над портом приказал карабинерам приняться за выгрузку ружей. Седой поручик обратился ко мне, чтоб я ему сдал их. Это конечно была пустая формальность, но я отказался выполнить ее, не имея на то приказания от своего начальства. Карабинерный поручик вспыхнул:

³⁹ То есть Гарибальди, провозгласивший себя от имени короля Виктора-Эммануила II «диктатором Сицилии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.